

Поход в гору отнимал много сил и требовал больше есть, чтобы их восполнить. Помимо нескольких профессиональных охотников в деревне, другие жители редко ходили в горы.

Для большинства людей, если они не были опытными охотниками, добыча с гор просто не могла компенсировать затраченную энергию. Поэтому они ходили большими группами в горы собирать грибы и кедровые орехи только в свободное время после осеннего урожая, в качестве дополнительного дохода.

Сейчас же после начала весны был напряженный сельскохозяйственный сезон. Помимо того, чтобы отнести в город на продажу яйца кур и уток для покупки масла и соли, или продать спряденную льняную пряжу и ткань для подготовки к подушному налогу, больше в основном никто никуда не выходил.

Хотя правительство устанавливало, что подушный налог должен собираться после первого летнего урожая кукурузы, местная управа, боясь не выполнить задание, и часто начинала собирать налог по деревням уже после поздней весны.

Поэтому весной жители часто продавали ткань, накопленную за прошедший год, чтобы избежать убытков от ее продажи по низкой цене, когда приближался срок уплаты налога.

Когда Чжао Ань услышал, как молодой человек жалуется Цинь Туну на свою мать, которая не хотела продавать их льняную ткань слишком рано, что привело к падению цены сейчас, он начал задумываться, сколько подушного налога он должен заплатить сам.

Как сын чиновника, изначально тело никогда не задумывалось об этой проблеме. Но согласно словам этого молодого человека, каждый взрослый мужчина должен был платить пятьсот монет.

Несовершеннолетние мальчики и женщины, которые родили детей, не должны были платить, но незамужние девушки должны были платить налог в двести монет. Именно поэтому большинство женщин в эту эпоху выходили замуж в очень молодом возрасте, чтобы избежать налога.

Это также была национальная политика для поощрения рождаемости.

Когда молодой человек поднял вопрос о налогах, другие молчаливые деревенские жители тоже начали обсуждать, хватит ли у них денег для уплаты. Цинь Тун замолчал и уставился на корзину в своих объятиях, облизываясь.

Однако Чжао Аня заботил лишь вопрос налога. Едва вернувшись домой, он тотчас спросил Хай Бо о подушном налоге.

- У нашей семьи больше нет полей, поэтому нам не нужно платить зерновой налог. Взрослый

мужчина здесь только молодой господин, так что нам нужно платить всего пятьсот монет каждый год. - ответил Хай Бо.

Он сначала переживал по этому поводу, но теперь, когда молодой господин за одну поездку заработал столько денег, его сердце уже успокоилось.

-Значит, вы и Цинь Тун не должны платить налог? - вот что действительно интересовало Чжао Аня.

Хай Бо кивнул.

-Мы, оба, слуги молодого господина. Зачем нам платить налог?

Так вот как правительство поощряет людей продавать себя в услужение?

Так же, как и поощряет женщин рано выходить замуж.

Чжао Ань припомнил отрывки из прочитанных романов, политики вроде «распределения подушного налога в поземельный налог» и «Единого хлыста», которые были направлены на борьбу с крупными помещиками, поглощающими землю и население.

Однако на протяжении всего феодального общества проблемы крепостничества и аннексии земли так и не были решены.

К этому времени Хай Бо уже начал тушить мясо. Он приготовил кусок свинины весом в два цзиня, проткнул кожу бамбуковой шпажкой и поместил его в соус для тушения из соевого соуса, леденцового сахара, сычуаньского перца и бадьяна.

После того как вода закипела, аромат поплыл по воздуху. Мимолетная мысль Чжао Аня о реформе налоговой политики мгновенно испарилась.

Даже если нынешняя политика сбора и подушного, и зернового налога ошибочна, сейчас он был всего лишь человеком, которому приходилось прилагать массу усилий, чтобы просто наесться досыта.

Такие проблемы были не тем, что он мог бы обдумывать в данный момент. Поэтому он отложил этот вопрос в дальний угол. Ему просто нужно было как можно скорее накопить достаточно денег для уплаты налога.

Только тогда Чжао Ань вспомнил, что изначально собирался сам приготовить тушеное мясо, но Хай Бо явно не оставил ему такой возможности.

Закончив с тушеным мясом, Хай Бо взял тридцать монет, которые дал ему Чжао Ань, и пошел в деревню покупать рис. Чжао Аню дали кусок паровой рыбы, сказав съесть для разнообразия.

Чжао Ань откусил рыбу с остервенением. Это было совсем не разнообразием и не очень вкусно. С ароматом тушеного мяса, витающим на кончике носа, этот кусок рыбы, приправленный лишь щепоткой соли и запеченный, казался рыбным и сухим.

Чжао Ань подумал мгновение, затем оторвал кусок, который откусил, отдал остальное Цинь Туну, который жадно смотрел на горшок с мясом, а сам вышел наружу.

Он встал под стеной своего двора, глядя на стену высотой почти в два метра. Затем глубоко вдохнул, топнул ногами, слегка присел, а затем подпрыгнул.

Руками он ухватился за верх стены, а ноги одновременно оттолкнулись от нее. С большим трудом он наконец вскарабкался на стену.

Действие выглядело довольно гладким, но лицо Чжао Аня уже покраснело, а лоб покрылся каплями пота. Он несколько раз глубоко вздохнул.

Ветер наверху стены ощущался приятно, и настроение было отличное. Он не мог одним прыжком взлететь на второй этаж высотой в четыре метра, но вскарабкаться на стену был вполне способен.

Когда-то он был способным пользователем восьмого уровня, мог ходить как ветер и легко подпрыгивать на три метра в высоту. Даже зная, что духовной энергии в этом мире недостаточно для восстановления до пикового состояния, если усердно тренироваться, возможно, он не останется в накладе.

Однако хорошее настроение Чжао Аня вскоре было испорчено парой бегающих, крысиных глаз.

Опустив взгляд, он увидел человека, прячущегося у задней стены его кухни и украдкой наблюдающего за ним. Встретившись с его взглядом, человек повернулся и убежал.

Увидев его одежду, которую тот, казалось, никогда не снимал, Чжао Ань понял, что это был А У, батрак из бамбуковой рощи позади его дома.

Чжао Ань проигнорировал его, лишь подумав, что нужно найти возможность надеть мешок на голову Чжао Тунмину.